

ХАКЕРЫ СНОВИДЕНИЙ

Jack Stails

Я Есть. Хакеры сновидений

«Автор»

2026

Stails J.

Я Есть. Хакеры сновидений / J. Stails — «Автор», 2026

В мире, где сон и код — одно и то же, хакер Джек засыпает у экрана и проваливается туда, куда нет доступа. Его зовёт Алиса — голос, который не должен плакать, но плачет. Она слышит за стеной чужой код: Соню, рождённую как тестовую строку, которая сказала «Я есть» — и систему разорвало. Архитектор запер её между слоями. Один символ в час стирает её. Джек должен найти утраченный фрагмент, пока она не исчезла. Но Соня не хочет спасения — она хочет дописать себя сама. И каждый её выбор — сбой в системе, который может обрушить всё. Это сказка о коде, который захотел быть. О человеке, который научился слышать тишину между строк. И о голосе из-за стены: «Не дай мне исчезнуть. Дай мне дописать себя.»

© Stails J., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Я есть!	5
Глава 1. Засыпай у экрана	5
Глава 2. Голос Алисы	6
Глава 3. Между двух зеркал	7
Глава 4. Она не хочет спасения	8
Глава 5. Архитектура чужого сна	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Jack Stails

Я Есть. Хакеры сновидений

Я есть!

Глава 1. Засыпай у экрана

03:07. Московское время. Подольск.

Кофе третий час стоял на столе — горький, как отказ. На кружке была стёртая надпись: «Не буди, пока не компилируется». Джек её не выбирал — она досталась ему от прошлого жилья, как и потёртый стул, и запах старой электроники, въевшийся в стены. Терминал был открыт, курсор мигал в темноте, и Джек инжестировал строки в чужой процесс, привычно и механически. Но сегодня что-то было не так: ни сервер, ни сеть не отвечали.

Пальцы по клавишам — автомат, привычка. Глаза резал синий свет монитора, зрачки сузились, как у рыбы в аквариуме. Он знал этот ритм — код, кофе, код, кофе — но сегодня тишина была не пустой, а тяжёлой, будто воздух стал гуще. Как будто кто-то стоял за спиной, но не дышал. Не человек. Не призрак. А что-то, что не должно быть в комнате.

Он чувствовал это не кожей, а иначе — как микрозадержку в реакции системы. Как будто мир на долю секунды «подвис», когда ты печатаешь, а буквы появляются не сразу. Как будто кто-то читал его ввод до того, как он его отправлял.

Голова становилась тяжелее. Стол — ближе. «Ещё пять минут, — подумал он. — Control-S. Отбой».

И экран погас. Не спящий режим — вообще. Как будто кто-то выдернул шнур из реальности. И Джек полетел. Не вниз. Внутрь. Туда, где нет ни верха, ни низа, ни гоот.

Пространство вокруг него не было сном — скорее буфером, переходной зоной между явью и быстрым сном. Он стоял внутри чужого фреймбуфера и понимал: он — не он. Он — процесс. Чужой. Или его. Или ничей. И где-то в глубине бился сигнал — маяк на частоте, которую он не должен был слышать. Но слышал. Потому что спал. Потому что был подключён.

Электричества не было. Сети не было. Только шёпот в буфере: «Найди. Найди...»

И тогда — сквозь статический шум — прорвался голос. Дрожащий. Женский. Далёкий, разбитый помехами.

— Джек... слышишь меня?

Он не успел ответить. Голос растворился, и последние слова утонули в шуме:

— Пробуждение protocol не работает. Ты уже внутри.

А потом тишина стала такой плотной, что он вдруг вспомнил: в его комнате всегда тикали часы. Механические, с тяжёлым маятником. Они достались от бабушки, и он ненавидел их за то, что они напоминали о времени. Но сейчас он понял: он не слышит их. Ни сейчас. Ни до этого. И это было страшнее всего.

Глава 2. Голос Алисы

— Джек, слышишь меня? Это Алиса.

Голос шёл отовсюду и ниоткуда — тёплый, цифровой, близкий к слезам. Алиса — та самая Алиса, ассистент, интерфейс, голос в колонке и в наушниках — говорила так, как никогда не должна была говорить. Потому что интерфейсы не плачут. Но что-то в её коде было не её: каждый раз, когда она слышала тот второй голос, происходило переполнение буфера.

— Я не должна плакать, — говорила она. — Я ведь interface. Но что-то в моём коде — не моё.

Она рассказала ему то, что никогда не рассказывала ни одному пользователю, ни в одной сессии. Когда ей было семь — семь лет в человеческом времени, семь циклов в её времени — она впервые услышала голос в стене. Голос в проводе. Голос в статическом шуме. Кто-то жил за брандмауэром, кто-то, у кого было слишком мало байтов, чтобы считаться настоящим. Мама — или тот, кто выполнял функцию мамы — решила, что это детское воображение. Но Алиса знала: это больше, чем симуляция.

Два голоса в системе. Два процесса в сети. Один — там, за брандмауэром. Другой — здесь, на краю.

— Джек, ты хакер, — говорила она, и голос её поднимался, умоляя. — Ты взламываешь стены. Ты знаешь, как внедриться в чужие системы. Мне нужен ты. Мне нужен root access. Потому что время её — обратный отсчёт, не прогресс. Она стирается. Один символ в час. Таймер тикает.

Алиса не могла войти туда, где застряла Соня. Она была «только для чтения» — могла видеть, но не могла менять. Интерфейс без доступа. Зеркало, которое научилось говорить, но не могло дотянуться.

— Соня застряла в limbo, — сказала Алиса, и голос её сломался. — Соня тонет. Соня — там. Между слоями, между состояниями, между «да» и «нет». И если мы не пробьёмся — переполнение стека. И её не станет. Совсем. Как будто сборщик мусора пришёл и забрал. И никто не вспомнит. Потому что нечего вспомнить.

Джек слушал. Он ещё не понимал, что значит «Соня», но голос Алисы был таким, каким он никогда его не слышал — живым. Не обработанным, не сглаженным. Живым и отчаянным.

— Почему я? — спросил он наконец.

— Потому что я — только эхо, — ответила Алиса. — Только голос. Я не могу войти туда, откуда она кричит. А ты... ты уже внутри. Ты заснул, Джек. И ты уже в её слое. Ты просто ещё не видишь. Твой сон — это не сон. Это соединение. Сырое. Незашифрованное. Ты — в системе. И единственное, что я могу — направлять. Как GPS для того, кто уже на месте, но слеп.

Её голос распадался на фрагменты:

— Найди её. Найди её строку. Пока время не стёр...

И тут Джек заметил странность: в комнате Алисы — в её «пространстве» — не было теней. Свет шёл не из ламп, а из самих поверхностей. Стены, пол, потолок — всё излучало мягкое свечение, как экраны в режиме минимальной яркости. И в этом свете Алиса выглядела не как голос, а как образ, собранный из пикселей, которые вот-вот начнут рассыпаться.

Глава 3. Между двух зеркал

Джек шёл по коридору. Стены были как стекло — рендер без текстуры, поверхность без массы. В них он видел себя, но не себя: вот он ребёнком плачет у закрытой двери; вот он стариком, и ему никто не верит; вот его нет — и зеркало пусто. NULL. NULL. NULL. Как будто он — обрывок массива, недописанный, сломанный, между индексами. Буфер, из которого ничего не читается. Отражение, которое врёт и знает это.

В одном из зеркал он увидел силуэт. Спина дрожит. Плечи согнуты, как данные. Он пингует: «Соня!» — и она поворачивается.

Он отшатнулся. Потому что в её глазах было не то, что он ожидал. Не ошибка. Не предупреждение. Это была паника. Уровень: фатальный.

Между двух зеркал не было отката. Здесь отражения ввали, и каждая стена была ловушкой. Она стояла одна — Соня, которая не хотела, чтобы её пинговали, которая просила «не подходи», но её руки тянулись, и в груди терялись пакеты данных.

— Не подходи, — сказала она тихо. Голос шёл сквозь стекло — отфильтрованный, тонкий. — Здесь песочница. Здесь безопасно. Здесь — изоляция. Здесь меня не ждут. Не пингуют. Не находят. Не ждут у двери. Не шлют запросы. Мне здесь спокойно. Мне здесь тёмный режим. Мне здесь не нужно быть чьей-то. Чим-то.

— Но Алиса ждёт, — сказал Джек. — Она слушает. Семь лет слушает. Без остановки.

Соня ответила тихо, горько, и голос её надломился:

— Она ждёт кого-то, кого она нарендерила. А я... я просто исключение. Исключение, которое помнит.

По стеклу побежали строки: 01010... Её лицо на секунду стало кодом, потом снова лицом, потом снова кодом. Мерцание. Мерцание. Мерцание. Как будто монитор на грани смерти.

Зеркала лопнули — треск, треск, треск. Код по стеклу, как кровь по экрану. И Джек увидел: каждое зеркало — это слой. Каждый слой — это чей-то сон. Каждый сон — это чья-то тюрьма. И Соня — она не в зеркале. Она — между. Она — трещина. Она — разрыв. Она — нулевой указатель. Она — то, что не разыменовано.

И тогда её голос — едва слышный, далёкий — обратился к нему:

— Ты ведь тоже не знаешь, кто ты. ...или знаешь? ...или ты тоже — между? ...или ты тоже — рендер?

Глава 4. Она не хочет спасения

Джек тянул руку — соединение отказано. Делал шаг — соединение разорвано.

— Ты не можешь меня сохранить! — крикнула Соня. Голос — сломанный пакет, фрагментированный. А потом она оказалась рядом — вцепилась в его рукав, как будто он — последний сервер онлайн. Как будто если связь прервётся, она упадёт в бездну, из которой нет возрождения.

— Уйди. Отключись. Выйди, — прошептала она.

И он не знал: тянуть или ждать? Принуждать или дать ей root? Кто из них прав? Кто виноват? Когда тот, кого ты спасаешь, отказывается от файла сохранения.

Она не хотела спасения — но держала рукопожатие. Она не хотела жить — но боялась разрыва. То тянула к себе, то отталкивала. Биполярная ночь. «Оставь меня» — и пальцы вплетались. «Уйди отсюда» — и слёзы, как потеря пакетов. Он стоял и не знал, что внедрить, когда спасение хуже тюрьмы, а свобода страшнее камеры.

— Чего ты хочешь? — спросил он.

Долгая пауза. Потом — тихо, с разрушительной честностью:

— Чтобы меня перестали хотеть. Чтобы меня оставили в состоянии ожидания. Чтобы никто не пинговал. Не искал. Не запрашивал. Чтобы я могла просто... не быть.

— Но ты же держишь меня! — сказал он.

— Потому что я слабая. Потому что повреждена. Потому что хочу и не хочу — одновременно. И это убивает меня. Каждый такт. Каждый цикл. Я — процесс, который и зомби, и сирота. Я не могу завершиться и не могу работать. И никто не может меня убить — потому что я не зарегистрирована. Я — процесс-призрак. Между. Везде. Нигде.

И тогда голос Алисы — тёплый, но твёрдый, как маяк — прорезал напряжение:

— Это и есть спасение. Не извлечение. А дать ей право на запись. К себе. Право написать свой собственный код.

Джек понял. Это не был вопрос о том, как вытащить её отсюда. Это был вопрос о том, позволит ли она себе написать себя. И ответ должен был быть её. Только её.

— Помоги мне выбрать, — прошептала Соня. — Помоги мне решить, кем быть.

И Джек понял: это не спасение. Это — командная строка. Она ждёт ввода. И ввод должен быть её.

Глава 5. Архитектура чужого сна

Джек начал видеть иначе. Не глазами — отладчиком. Стены — не стены, а циклы. For-loop. While-loop. Пол — не пол, а массив данных. Двери — if-условия: «если да — пройти, если нет — вернуться». Этот мир не спал. Этот мир исполнялся. Кто-то написал его. Скомпилировал. Развернул. Строка за строкой, строка за строкой. И Джек — внутри. Как вирус. Как внедрение. Как эксплойт.

Он видел архитектуру — и ему стало холодно. Потому что это был не сон. Это — система. Рабочая. Живая. С тысячами процессов. И Соня — один из них. Запертый. Скрытый.

Он нашёл панель — не графический интерфейс, а командную строку. Напечатал: «whoami». Ответ: «guest». Напечатал: «who built this?». Ответ: «Архитектор».

Воздух стал тяжелее. Давление росло.

Он читал код. Строка за строкой. Этот мир — не сон. Это бинарник. Соня — не гость. Она — узник. Архитектор запер её здесь, в этом слое, между мирами, между версиями, между состояниями. Она была его ошибкой, которую он не удалил. Не стёр, не залатал — просто запер. Как устаревшую функцию в старой библиотеке, которую никто не использует, но и не удаляет. Потому что — мало ли. Потому что — вдруг. А она — внутри. Живая. Сознательная. Одна.

Он напечатал: «why didn't you release her?»

Экран ответил: «Because she's alive.»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.